

В самом начале 70-х, когда Борис Александрович Покровский возглавлял Большой театр, был на вершине славы и восхищал публику постановками «Тоски», «Игрока», «Руслана и Людмилы», сам он уже устремлялся дальше: создать театр предельной искренности, лишенный оперных штампов и фальшивых эффектов. Ежедневно после девяти вечера он приезжал в клуб Мосэнерго на Раушскую набережную, деловито осведомлялся, заварен ли кофе, и начинал репетицию. Готовилась к постановке опера Родиона Щедрина «Не только любовь». Тогда Покровский было шестьдесят.

О ночных репетициях Покровского почти никто не знал, но весть об открытии нового театра разнеслась мгновенно. Драматический Театр им. Станиславского, где состоялся первый спектакль нового коллектива, был переполнен. Мастер прикоснулся к производству, потерпевшему в свое время неудачу на сцене Большого театра, и оно зашевелилось...

Затем последовали другие постановки: «Скупой» Пашкевича, «Голос земли» — композиция на музыку Островского, «Сокол» Бортнянского и наконец «Нос» Шостаковича, ставший своего рода «Чайкой» театра, облетевшей впоследствии страны Европы, Америки, Японии.

Эти спектакли репетировались в подвале, де Театр оперетты хранил декорации. Ежедневно, проводя репетицию в Большом, Пок-

ВЕСМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ ИЗ ПОДВАЛА

Сегодня камерному музыкальному театру на сцене исполняется 25 лет

Б. А. Покровский

ровский выходил из его шикарного подъезда, заворачивал за угол, во двор и, держась за тонкие железные прутья перил, спускался по узким ступеням. Когда он отдыхал, когда обедал? Этот творческий накал не ослабевает и по сей день, а ведь 23 января Борис Александрович исполняется 85!

Его энергия, фантазия, эрудиция — беспредельны. Интенсивность работы потрясающая: спектакли создаются всего за два месяца. Сейчас их количество приближается к ста. Покровский умудряется «перевосплощаться» в любую стилистику: деревенскую и салонную, романтическую и сатирическую.

Театр поставил множество забытых произведений Моцарта, Генделя, Гайдна, Телемана, Россини, Стравинского и других. Среди них опера композитора Пери «Эвридика» — самое первое из известных нам сочинений этого жанра, удивительное «Ростовское действо»

(музыка Д. Ростовского, реставрация Е. Левашова), которое идет в капелла и к тому же без дирижера.

Мастер охотно ставит и оперы современных композиторов. Именно на сцене Камерного впервые зазвучали сочинения А. Холминова, А. Шнитке, М. Таривердиева, В. Гаврилина, Э. Денисова, Г. Седельникова... И для каждой постановки Покровский находит свое, оригинальное решение, максимально приближая действие к слушателям-зрителям. Поэтому оркестр у него то позади артистов, на сцене («Дон Жуан»), то под сценой («Шинель», «Коляска»), то позади зрителей («А поутру они проснулись»). Стулья в зале стоят то обычно, то по диагонали или окружают протянувшийся во весь зал помост. Иногда приходилось открывать калитку, чтобы войти в зрительный зал, и смотреть спектакли под сенью безраз, расставленных по залу...

Конечно, Покровский мог добиться успехов с певцами-актерами, равно владеющими и вокалом, и драмой, и пластикой. Таких артистов Покровский воспитывал в ГИТИСе и продолжает воспитывать в процессе каждой постановки, следуя принципам К. Станиславского, Вл. И. Мейерхольда-Данченко, Ф. Шаляпина. Он и сейчас, как ему свойственно, смотрит вперед:

— Мы рассчитываем в будущем году поставить одну из самых первых и самых знаменитых опер: «Коронацию Поппеи» Д. Монтеверди, а также оперу нашей современницы, американского композитора Августа Томаса на сюжет Эдгара По.

— Ваш театр быстро завоевал любовь москвичей. Я не раз видела огромную оче-

редь — люди ночами стояли за билетами. Вы ощущаете свою известность сегодня?

— Недавно театр вернулся из Южной Америки, где давал спектакли в лучших престижных залах Бразилии, Чили, Аргентины — в театре «Колон», например. Из гастрольных поездок театр неизменно привозит ворох восторженных рецензий и приглашения на повторные гастроли, служащие основным доказательством успеха. Мы ощущаем себя нужными в Италии, Франции, Германии, Японии — где угодно... но не у себя дома, в Москве. И от этого нам несказанно горько.

— У нас же есть такая черта, которую, кстати, отметил еще Стасов: не умеем мы чтить свои таланты, не любим гордиться ими... А кроме эмоций, чем это чревато?

— Мне кажется, что форма камерного музыкального театра — это форма будущего, поскольку отвечает требованиям высокой культуры, в первую очередь — оперной. За рубежом постоянно отмечают уникальность нашего театра. На мой взгляд, она отчасти в том, что он единственный возродил забытую форму камерного музыкального театра с присущей только ему эстетикой. Мы возродили замечательные произведения доглиннской поры. В более поздние времена некоторые гениальные композиторы подсознательно имели в виду камерную форму спектакля. Если бы наш театр существовал при Чайковском, я нас уверяю, Петр Ильич сказал бы, что «Евгений Онегин» — камерная опера. Недаром он хотел, чтобы она была поставлена на небольшой сцене, искренне, без ложной патетики. Но в то время таких театров не было. Если камер-

ный музыкальный будет затоптан, то умрет не просто театр как административная единица, а сам принцип, особая стилистика...

— Строительство нового театрального здания невероятно затянулось. Еще в 1988 году я была свидетелем того, как на стройке на ваш вопрос «Когда же закончите?» — прораб ответил: «В 1989 году будете играть премьеру». Это было на восьмом году строительства...

— ...А потом случился пожар. Министерство культуры снова выделило средства, и стройка началась фактически заново, но уже более совершенно и прочно, хотя это и затягивает сроки. Ведется страшная борьба с людьми, которые хотят удорожить ее, придумывают ненужные для нас роскошества, оттягивают сроки. Видимо, это выгодно лично им. Но все-таки, я надеюсь, что в марте-апреле мы наконец переедем в новое помещение. Рабочие трудятся самоотверженно, порой не получая зарплаты.

Новое помещение необходимо камерному музыкальному, как воздух. Когда артисты наконец переедут в него из своего подвала, у них будет настоящий праздник. За четверть века они его, бесспорно, заслужили.

Наталья СЕРГЕЕВА

Сцена из спектакля «Граф Калиостро»